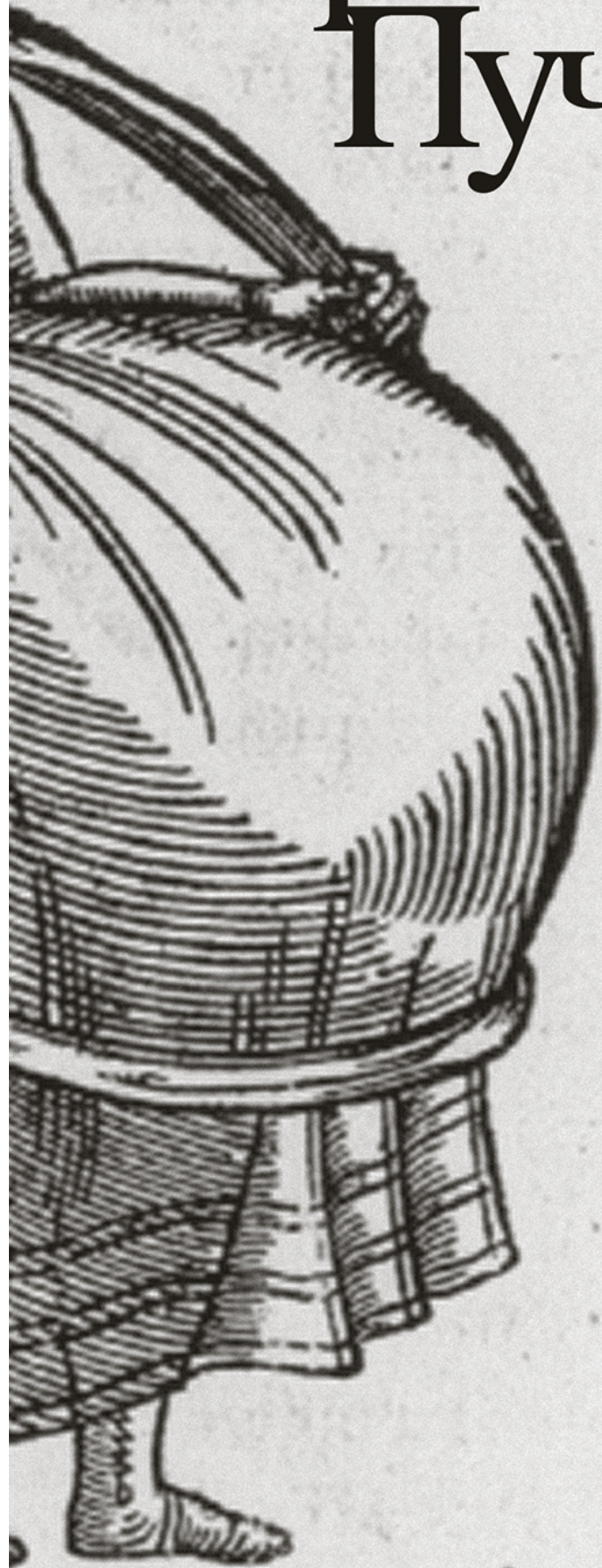
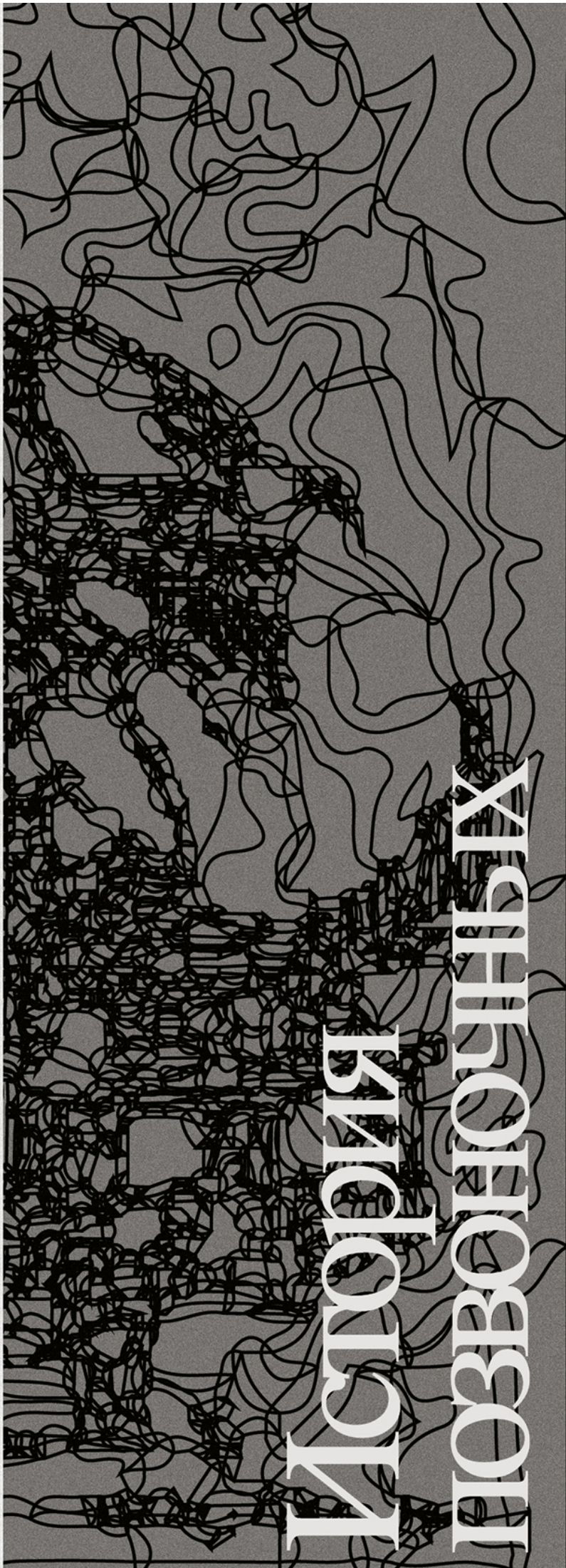

Мар Гарсиа Пуч

with 11 fetuses (after Paré).

ИСТОРИЯ
ПОЗВОНОЧНИХ

Мар Гарсиа Пуч

История позвоночных

«Ад Маргинем Пресс»

2023

УДК 618.2:2-457+616.89+94
ББК 88.25+60.54+57.16

Пуч М.

История позвоночных / М. Пуч — «Ад Маргинем Пресс», 2023

ISBN 978-5-908038-59-1

Филолог и каталонский политический деятель Мар Гарсия Пуч (род. 1977) в один день стала матерью близнецов и депутатом Конгресса. К бессонным ночам, навязчивым мыслям о смерти, страху причинить вред новорожденным и разрушающему чувству вины добавились необходимость покинуть детей и уезжать на заседания парламента, чтобы быть услышанной в мужском мире политики, способствовать реформам и оправдывать доверие избирателей. В «Истории позвоночных» (2023) Пуч честно и сочувствующе пишет о послеродовой депрессии и тревожном расстройстве, вплетая личный опыт в повествование о женщинах разных веков, которые чувствовали, что после родов рассудок покидает их. Погрузившись в тему «безумия» в мифологии, литературе, искусстве, политике и истории, писательница исследует, как рождение детей усиливает давление общественных ожиданий и почему женский голос так легко раньше и в наши дни объявляют «неразумным». Пуч делится собственным опытом преодоления экзистенциального материнского одиночества и связанного с ним безумия, чтобы женщины, оказавшиеся в такой ситуации, могли найти в себе силы двигаться тем же путем. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 618.2:2-457+616.89+94

ББК 88.25+60.54+57.16

ISBN 978-5-908038-59-1

© Пуч М., 2023

© Ад Маргинем Пресс, 2023

Содержание

1	7
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мар Гарсия Пуч

История позвоночных

*Моей матери Монсеррат
и моей сестре Жеоржине
Элизе и Мило с тысячей извинений*

Ее маленький зад лежал у меня на ладони, грудь вся была из сморщенных муаровых складок, а шея – я боялась ее шеи, однажды я почти отчетливо услышала, как она нежно переламывается. Я посмотрела на нее, а она повела своими грифельными глазами и посмотрела на меня. Оно находилось под моей заботой, существо ее позвоночника, словно первое хордовое, словно бы историю позвоночных уложили мне в руки.

Шэрон Олдс, «Ее первая неделя»

La història dels vertebrats © 2023 by Mar García Puig
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

1

20 декабря 2015 года я стала матерью и сошла с ума. Около полуночи в белом родильном зале барселонской больницы Валь-д'Эброн из моего тела исходила голова, будто огонь из купины. Пока я тужилась, мне казалось, что в потолочной лепнине я вижу дракона, а когда младенец зашелся пронзительным плачем на чужих руках, дракон выскользнул в окно, хвостом утянул за собой звезды со светлого небосклона и резким ударом рассыпал их по полу. Не слишком понимая, что происходит, я рассеянно размышляла, кто теперь будет убирать этот звездный свинарник, и прижимала к груди свою дочь, студенистое чудо. «Секундочку», – сказали мне, отобрали ребенка и сильно надавили на живот. Мы еще не закончили. Я продолжала производить на свет этот огонь: у меня между ног показалась вторая голова. Меня удивил другой плач: смешавшись с первым, он, оглушительный, словно тысяча водопадов, впитался в трещины родильной. Сверху мне передали моих детей, по одному в каждую руку. Я захотела пересчитать все пальцы на их руках и ногах. Дойдя до двадцати, расцеловала мизинцы на крошечных ступнях будто из начищенной бронзы.

Я сморгнула, и вдруг детей со мной не оказалось. Посмотрела вокруг. Может, они вернулись в живот? Почувствовали отвращение к миру, который им достался? Но под грудью было пусто. Подошел незнакомый врач. Близнецов отправили в инкубатор – аппаратам предстояло завершить труд, который моя утроба не довела до конца. «Пальцы у них все на месте», – сообщила я на всякий случай.

Когда сонм медиков исчез, мне открылось нечто, о чем я раньше не задумывалась: я родила новый мир, потому что старый, где моих детей не существовало, ушел в прошлое и сегодня всё начиналось. Роды открыли дверь между бытием и небытием, жизнью и смертью, светом и тьмой, и закрыть эту дверь мне не по силам.

В 1942 году поэтесса Сильвия Мистраль после рождения дочери написала: «Я вернулась из смерти, а Богу не помолилась». Я тоже не помолилась, но и из смерти вернулась не совсем.

Греки считали, что наша жизнь находится в руках трех ненавистных и страшных сестер, Мойр. Даже Зевс подчинялся их воле. Дочери Ночи и адского Мрака, эти дряхлые дамы с незапамятных времен рассказывают, что жизнь наша висит на нити. Клото, младшая из трех, прядет нить жизни; Лахесис вращает веретено и добавляет к золотистой нити белую пряжу для счастливых дней и черную для несчастливых, и, наконец, Атропос, самая ужасная, перерезает нить блестящими ножницами и определяет момент смерти. В день свадьбы греческие невесты старались умиловить Мойр, принося им локоны своих плодородных волос. Сегодня именами сестер названы три астероида, которые движутся по орбитам в области между Марсом и Юпитером. Мы не видим их, но в черноте Вселенной они по-прежнему прядут.

Большую часть жизни мне удавалось забывать о Мойрах. Я, неразумная, сохранила все свои локоны. Но в разгар чрезмерности родов три старухи с криками ворвались в родильный зал, хоть никто, кроме новоиспеченной матери, их и не увидел.

Мужчины обычно удивляются, как мы, женщины, способны переносить родовую боль. Но почти никогда не говорят о пути, который мы совершаем, пути к земле, откуда нет возврата, туда, где мы и то, что мы произвели на свет, обратится в прах. Ведь, породив первое поколение, мы, матери, утверждаемся в собственной смертности, а также, что важнее, смиряемся с риском утраты, от которого не избавиться. В тот миг, когда доктор положил детей мне на грудь, когда то, чего прежде не было, превратилось в кость, плоть и кровь, до меня дошло: однажды ножницы Атропос перережут нить, и разлука с детьми станет неотвратимой. И я не смогла этого принять.

«Не дай сойти с ума, благое небо. Дай сил. Я не хочу сходить с ума»¹, – просил измученный бурей, предательством и виной король Лир на неизбежном пути к безумию. Увенчанный крапивой и прочей сорной травой, бушующий, словно бурное море, поющий и влачащийся незнамо куда, отец стал ребенком. И пока меня, ставшую матерью, везли на каталке в палату, я тоже почувствовала, что рассудок мой слабеет. «Оставьте мне разум! Я не хочу сходить с ума!» – выкрикнула я беззвучно, но небо, лишенное звезд, не собиралось меня слушать.

* * *

Пока отец моих детей, друзья и родственники упивались радостью рождения, иного рода эйфория наводняла всю страну. В тот самый день в Испании проходили первые выборы с участием новой партии, стремившейся представлять простых людей, и в воздухе витала надежда на перемены. Под вечер, когда я считала схватки в предродовом, страна считала места в парламенте. И то, и другое подсчитывание вылилось для меня в новую жизнь, потому что одно из парламентских мест досталось мне. В тот самый день, когда у меня родились дети, я стала депутатом Конгресса.

Двумя годами ранее мне поставили диагноз «бесплодие» – результат запущенного эндометриоза. Острые клыки, ежемесячно вгрызавшиеся мне в яичники с подросткового возраста, оказались не нормальной болью при менструации, как утверждали врачи, а очередной женской болезнью, которую мужчины в белых халатах исторически игнорировали. На удивление сухим осенним вечером доктор по фамилии Бонавентура, что означает «удача», с высоты своей бесконечной повседневности вынес мне далеко не удачный вердикт: мои фаллопиевы трубы представляют собой тупик, и их нужно удалить. О естественном наступлении беременности можно было забыть; оставались вспомогательные репродуктивные технологии. Мы с Томасом, будущим отцом детей, взяли за руки, а доктор показал нам заламинированное изображение женской репродуктивной системы, где трубы были перехвачены линиями, которые мне напомнили жерди для привязи скота. Состояние рисунка, захватанного и выцветшего, говорило о частоте диагноза. Это не помешало мне расплакаться. Позже, разбираясь в своем бесплодии, я узнала, что тот же Габриеле Фаллопий, которому мы обязаны названием бесполезных для меня труб, впервые описал путь слез из слезной железы во внешний мир. Глядя на мои слезы, доктор велел мне не бояться. «Для науки нет ничего невозможного. Зачнешь как миленькая».

Когда я вышла от врача, листья под ногами шуршали особенно пусто. Улицы внезапно оделись в траур. На земле лежала зола: она прилипла к подошвам и слегка испачкала обивку такси, уносившего меня на очередное политическое совещание из тех, что занимали тогда почти всё мое время. Большая партия перемен, с помощью которой мы хотели делать политику по-новому, недавно начала строиться, и с первого дня я знала, что хочу быть в ней кирпичиком. Следующие несколько месяцев я перемежала разнообразные обследования, призванные определить наиболее подходящий для меня способ стать матерью, с неусыпной борьбой за то, чтобы нас, женщин, слышали на долгих партийных собраниях, на которых мы засиживались до полного изнеможения. Я перенесла хирургическое вмешательство, желая оспорить непроизводительность моего тела, и параллельно плечом к плечу с сестрами по партии оспаривала политическую традицию, слишком часто грозившую вернуть нас к исторической немоте.

В то время, что мне оставалось от работы и походов к врачам, я объехала на поезде бесконечное количество городков и деревень: собрания, встречи, беседы, презентации. И в пути вспоминала слова из книги Иова, обращенные к тем, кто не хотел слушать Господнего завета: дети их умрут, и память о них исчезнет с земли, и не останется имени их на площади. Сгорбившись на сидении, глядя в окно на сломанные ветки и соломинки, носимые ветром по пустым

¹ Приводится в переводе Бориса Пастернака.

полям, я старалась думать о бродивших некогда по этим дорогам женщинах. Память о них, как и о бесплодных, исчезла, потому что у них не было права возвысить голос: неравенство – тоже ведь библейский бич – поразило их.

Первые современные врачи выдумали медицинскую теорию, чтобы и дальше их бичевать. Тело подчиняется главному физиологическому закону «сохранения энергии». Согласно этому закону, у людей ограниченное количество энергии и разные органы борются за нее. Поэтому образование и любая интеллектуальная деятельность потенциально опасны для женщины: они забирают слишком много энергии, отчего атрофируется матка. Интеллект и общественная жизнь – враги размножения. Немецкий математик Август Мёбиус в конце XIX века писал: «Если мы хотим, чтобы женщина в полной мере справлялась с задачей материнства, она не может обладать мужским мозгом. Если бы женские способности развивались в той же степени, что у мужчин, телесные органы женщин страдали бы и перед нами оказался бы отвратительный бесполезный гибрид». И хотя сегодня немногие помнят Мёбиуса именно за эти слова, хотя прошло больше века и человечество сделало большой шаг, возможные выводы из такого суждения по-прежнему действуют как барьеры.

Несовершенный в своих двух устремлениях гибрид, которым я рисковала стать, вложил всю веру в слова доктора Бонавентуры, чередовавшего хорошие новости с плохими. Я могу забеременеть с помощью ЭКО, но мои яичники сродни малоплодоносным деревьям, поэтому придется постараться. Тогда я начала гормональную стимуляцию: каждый вечер щипала себе живот, вводила, набравшись смелости, иглу и ждала, пока животворящая жидкость войдет в тело. Получилось у меня всего лишь два жалких ооцита, и, как следствие, шансы на беременность резко снизились. Но доктор Бонавентура заверил, что всё будет хорошо. «Не вешай нос, милая!» Далеко в прошлом остались колдовские средства женщин Средневековья, которые осыпали подношениями духов воды и украдкой притрагивались к камням фаллической формы, пытаясь разбудить свою утробу. Меня же взяла под крыло наука, и почти сто лет спустя после первого искусственного оплодотворения яйцеклетки крольчихи чудо из пробирки поселилось у меня в матке.

Однажды утром в понедельник мне позвонили и сказали, что моя кровь выявила результат лечения: «С настоящего момента воздержитесь от употребления вина. Вы беременны».

* * *

С тех пор как я узнала, что мой живот превратился в цветущий сад, меня переполняла радость, смешанная с паникой. Я понимала: то, что теперь внутри, станет расти благодаря питательным веществам от моего тела, но что если и мои кошмары – чертополох и прочие колючки, грозившие, как я долго боялась, наводнить мою матку, – тоже будут его питать?

На первом УЗИ я не могла заставить себя взглянуть на монитор. Вдруг это был мираж? Вдруг пальмы и вода, завиденные четыре недели назад, снова обернулись пустыней? Томас, наоборот, жадно вглядывался в экран, а я сверлила взглядом Томаса. И внезапно – удар. Удар сердца из плоти, размолввшего камень в пыль. «Вот первый», – сказал врач. «Первый?» – почти хором откликнулись мы. «Да, у вас близнецы». Откровенная скудость – два ооцита, на которые я оказалась способна, – вылилась в изобилие. И тогда мы услышали второе сердце, оно тикало, как мне показалось, немного не так, как первое, в иной тональности, и я бы присоединилась к его пению, если бы не застеснялась. Но радость продлилась недолго. «Беременность будет сложная», – предупредил врач.

И всё же в этом новом ожидании я обрела неслыханную силу: расправила крылья, как орел, и сколько бы ни шагала, не утомлялась. Заранее скупала одежду и вообще всё нужное, словно собирала крупы песка на берегу моря. Чтобы узнать пол плода, как говорил Гиппократ, нужно посмотреть на лицо беременной: если кожа в хорошем состоянии, будет мальчик,

если, напротив, бледная и жухлая – девочка. Древнегреческий целитель не учитывал таких случаев, как мой: я заранее знала, что у меня мальчик и девочка, и кожа на лице странно сияла. В XVI веке французский анатом Иаков Сильвий, продолжая гиппократовскую традицию, утверждал, что матка – мир в миниатюре – двухчастна, и в правой части, где температура крови благоприятнее, вырастает наиболее благородный из двух полов, мужской, а женский должен довольствоваться левым углом, более бедным и унылым. Но мое тело решило поступить наоборот. Девочка, которую мы собирались назвать Сарой, расположилась вертикально справа, ее брат Давид вытянулся слева. Согласно Сильвию и его коллегам, это было опасно: мужеподобные властные женщины, имевшие наглость вторгаться в пространства, отведенные мужчинам, по ошибке зачинались на правой стороне матки. Отсюда же следовало, что с большой вероятностью мой сын будет женственным, нежным и хрупким – как его мать.

Ближе к середине лета, когда я исходила потом, мне поступило неожиданное предложение: стать кандидатом в депутаты на предстоящих парламентских выборах. Несмотря на предупреждение, что я в положении, жду даже не одного ребенка, а двух, и что, вполне вероятно, начало парламентского срока совпадет с окончанием беременности, они стояли на своем: «Ты нам нужна здесь». И гибрид моими губами ответил – да. Внутрипартийные выборы показали, что мои устремления небезосновательны, и я стала кандидаткой от Барселоны.

Я с удвоенной энергией принялась за политическую деятельность и таскала свой неуклюжий тяжелый живот туда, где раньше в жизни не бывала. Я впервые участвовала в составлении политической программы, и под моими пальцами создавались две сущности одновременно, причем конкретность одной никак не вязалась с таинственностью другой. Я часто спрашивала себя, чему придавала форму в те дни. Греческие философы ожесточенно спорили, какая часть тела возникает первой: стоики утверждали, что всё тело одновременно; Аристотель – что, подобно килю корабля, первым делом строится поясничная область; другие отдавали приоритет сердцу или голове. Но мне больше всего нравилась теория, согласно которой всё начинается с большого пальца на ноге. Я бы с него возводила свое здание. И оно было бы округлым, плотным, здоровым.

Когда стартовала предвыборная кампания, моей тяжелой – с несколькими кровотечениями, которые заканчивались госпитализацией, но потом унялись, – беременности исполнилось семь месяцев. К тому времени я потеряла счет набранным килограммам, хотя врач неустанно напоминал о них. У меня болел каждый миллиметр тела. «Это нормально, – говорил врач. – Организм ведь вообще на такое не рассчитан». Живот был гигантский, неслыханных размеров. У народа пуми, живущего в горах китайской провинции Юньнань, есть легенда: раньше рожали мужчины, но беременность у них протекала в икрах, плодам не хватало там места, чтобы расти, и в результате на свет появлялись мелкие создания вроде жаб, размером не больше кролика. Пришлось возложить работу вынашивания на женский живот, способный, как я смогла убедиться, растягиваться до бесконечности, и тогда люди стали рождаться сильными, готовыми выиграть любую войну.

Церемония старта кампании, включая традиционное расклеивание первых плакатов, была намечена на вечер и затянулась далеко за полночь. Я входила в число выступавших и заготовила краткую речь о том, какого будущего хочу для своих детей, – так мне посоветовали. Помещение пестрило камерами, потому что опросы уже тогда прочили нам отличный результат, а мне никогда прежде не приходилось говорить при таком стечении народа. Когда наступила моя очередь, мне помогли подняться на сцену. Я боялась упасть, боялась, что деревянный настил меня не выдержит, я рухну, живот лопнет и всем предстанет катастрофическое зрелище моих внутренностей. Но я произнесла речь, почти ничем не выдав неуверенности, решительная, как собственный живот. В ту ночь мне приснилось, что я рожаю. Что родился один ребенок, второй, и я уже собралась встать, надеть пальто и уйти, но тут изнутри донес-

лось: «Подожди!» И один за другим из меня стали вываливаться младенцы, еще и еще, целое войско, и шествие их прервал только мой крик при пробуждении.

Беременность 11 плодами (по Паре)

Итальянский гуманист Джованни Пико делла Мирандола упоминает о женщине по имени Доротея, которая за два раза родила двадцать детей. Этот необычайный случай вошел и в один учебник анатомии, в котором Доротея представлена на иллюстрации: она беременна одиннадцатью детьми, и живот ее так огромен, что она придерживает его перекинутой через шею лентой, чтобы он не волочился по земле. В те предвыборные дни я превратилась в современную Доротею, терракотовую богиню с тугими грудями, телом гиппопотама и хвостом крокодила. В моем понимании звериную природу жизни невозможно было замаскировать под полет аиста или находку в капусте. У меня самой не было никакой власти над тем, что происходило с моим телом — куда уж остальным иметь ее?

Я прокладывала себе путь ударами животом, и окружающие обмирали от восхищения, особенно немолодые женщины, они возмущенно спрашивали меня: «А как же ты справишься, когда тебе придется ехать в Мадрид?» Они умели четко сформулировать вопрос – в конце концов, все матери на свете задавались похожими вопросами на протяжении истории. «Как я справлюсь?» – должно быть, думали миллионы, и я тоже, безмолвно, притворяясь, будто у меня всё под контролем. Но всё было настолько не под контролем, что за несколько дней до конца кампании мой позвоночник сказал, что никакая лента не способна вынести такой вес, спина сдалась, а шейка матки начала стремительно расширяться. Несмотря на строгий постельный режим, в день выборов, в шесть часов утра, у меня отошли воды. Врачи целый день пытались медикаментозно отсрочить преждевременные роды, но Давид и Сара приняли решение, и никто не мог их переубедить. Почти в полночь, когда политические аналитики уже расходились по домам, я родила близнецов.

* * *

В середине XIX века один массачусетский законодатель заявил: «Дайте женщинам право голоса, и вам придется построить множество сумасшедших домов в каждой стране и открыть суд по разводам в каждом городе. Женщины слишком нервны и истеричны, чтобы заниматься политикой». Как бы он порадовался, доведись ему познакомиться со мной сразу после родов! Как бы он наслаждался зрелищем женщины, матери и депутатки, летящей в пропасть с вершины признания и зрелости! Этот почтенный господин в безупречном костюме насмешливо смотрит на меня из угла палаты, где я просыпаюсь на рассвете. Я родила несколько часов назад и, разлепив веки, с удивлением замечаю, как в окно рвется северное сияние.

В эту секунду на меня наваливается ощущение: что-то не так. И все события следующих нескольких секунд только подтверждают подозрения. Я встаю, и палата кажется мне куда более мрачной, чем вчера. Она довольно спартанская; за занавеской еще одна койка, на которой лежит и, как я догадываюсь, спокойно спит женщина. Иду в уборную. Тяжело плюхаюсь на унитаз и чувствую, что по спине течет что-то холодное. Смотрю вверх: подвесной потолок совершенно сухой. Молюсь, чтобы это был пот. Но, ощупав себя, понимаю, что льется откуда-то из поясницы. На мне белая ночная рубашка моей бабушки, с искусной вышивкой, теперь насквозь промокшей. Бросаюсь к выключателю. Серный свет заливают ванную комнату. Я с ужасом смотрю в обшарпанное зеркало, стараясь вывернуться, чтобы разглядеть спину целиком. Жидкость прозрачная, похожа на воду, но, если придвинуться, можно различить алый оттенок, который становится всё явственнее. У меня учащается пульс, рубашка липнет к телу, я возвращаюсь в свою часть палаты, залитой теперь красноватыми лучами, в которых обнаруживается, что стены оклеены драными обоями. Как подкошенная, падаю на кровать; всё вокруг в карминовых пятнах: прежде белоснежное постельное белье, беленый потолок. Я не сомневаюсь, что истекаю кровью после эпидуральной анестезии и заливаю окружающий мир. Нахожу кнопку и, унимая дрожь в руках, вызываю медсестру. В ожидании приподнимаю одеяло и осматриваю себя. Там, где раньше были обыкновенные веснушки, теперь неряшливые пятна, предвещающие мрачное будущее.

* * *

Густой туман скрывает воспоминания о следующих часах. Со временем я восстановила их по истории родов. «Пациентка в раннем послеродовом периоде жалуется на влажность в области введения эпидуральной анестезии. Повязка насквозь мокрая; при снятии наблюдается постоянное истечение прозрачной жидкости. Вызваны гинеколог и анестезиолог», – записала медсестра, которую я тогда позвала.

Первой в палату приходит гинеколог, она проводит осмотр и исключает любые осложнения, связанные с проколом. «Ответила на вопросы пациентки и родственников, чтобы унять их тревогу». Врач говорит, что, скорее всего, ничего страшного, но сейчас она позвонит анестезиологам, пусть тоже посмотрят для полного нашего спокойствия. Уверенно утверждает, что у меня нет никаких симптомов осложнений после эпидуралки и жидкость уже перестала течь, но я ей не очень-то верю. Через некоторое время, в течение которого я не могу двигаться, а могу только дрожать, появляется анестезиолог. «Сняли повязку с области прокола. Повязка чистая, минимально увлажненная. Показали пациентке». Анестезиолог тоже заявляет, что тревожных клинических симптомов нет и особое лечение не требуется. Записи в истории родов свидетельствуют о моем душевном состоянии: «Проявляет неконтролируемую боязнь осложнений и последствий. Поясняю ее состояние и план лечения, уточняю, что в любой момент пациентка может обратиться за экстренной помощью, но это не снижает чувство страха, проявляющееся в словах и безутешном плаче. Запрашиваю консультацию психиатра».

Проходит несколько часов, я отказываюсь оторваться от ложа печали, в которое превратилась моя койка. Томас, мама и свекровь пытаются уговорить меня, внушая, что всё будет хорошо. Я способна только отрицательно мотать головой. Мне предлагают спуститься на четыре этажа, к детям, но я словно прилипла к матрасу, залитому краснотой, которую не видит никто, кроме меня. То и дело заходит очередная медсестра, проверяет повязку и показывает мне. В истории родов повторяется: «Повязка сухая». Затем идут психологические наблюдения: «тревожная», «навязчивые вопросы о возможных осложнениях», «угнетена». Пока медсестры в палате, я настойчиво указываю им на зигзагообразную трещину в стене, от плинтуса до потолка. Когда я проснулась, ее было едва видно, но теперь из глубины напористо прет, освещая меня, дрожащее мерцание. Мне в который раз поясняют, что трещина тут уже сто лет, ничего страшного. Но я боюсь, что ее сила провалит кровлю здания, полного матерей и новорожденных.

Немного спустя после того, как я отказываюсь от принесенного обеда, появляется психиатр. Стоя в дверях, она просит Томаса и маму покинуть палату. Идет ко мне, и ее халат развевается от невидимого ветра. Садится у меня в ногах, но не успевает произнести и слова, как я раздражаюсь утробными рыданиями и сообщаю ей, что умру, а мне же нельзя, у меня двое детей. «Мне теперь нельзя умирать! – кричу я. – Я же мать!»

* * *

В середине XIX века в британские лечебницы для душевнобольных начало в измененном, плачевном состоянии поступать невероятное количество женщин с самым разным социальным положением и жизненными обстоятельствами. Все эти женщины незадолго до болезни родили и все страдали различными нервными расстройствами, от буйного помешательства до глубокой меланхолии, и на это медики не знали, как реагировать, поскольку прецедентов не было. Нечто неведомое, какое-то новое безумие, пало на Британию, словно легион бесов, желающих разметать святость викторианского очага в клочья.

В 1864 году женщину, которая нам известна под инициалами Б. С., родственники доставили в Эдинбургскую королевскую лечебницу, самый большой сумасшедший дом в Шотландии. Эта замужняя дама, отличавшаяся любезным и веселым нравом, мать пятерых детей, перенесла серьезное кровотечение на седьмой день после очередных родов. Как только ее уложили в постель, кровотечение прекратилось, но начались симптомы помешательства. Согласно истории болезни, при поступлении Б. С. была так слаба, что ее сочли едва ли не умирающей. Однако при этом она пребывала в страшном возбуждении, чем поразила всех очевидцев: они не подозревали, что настолько хрупкая женщина может производить такой шум. Лицо было бледно, дикие глаза смотрели в одну точку. «Безумие ее обнаруживало самые зверские свой-

ства: она непрерывно бредила, утверждала, что родила не детей, а собак, признавала старых друзей в окружающих, которых на самом деле видела впервые, кричала, что ее еда отравлена, и тыкала пальцем в воображаемые предметы». Над дверями лечебницы были в камне высечены знаменитые слова Ювенала: «*Orandum est ut sit mens sana in corpore sana*»². Мы не знаем, помогли ли Б. С. молитвы или психиатрия – след ее теряется в архивах истории.

А вот что случилось с Элайзой Гриппс, которая четырьмя годами ранее поступила в роскошный эксклюзивный пансионат для душевнобольных в Тайсхерсте, на другом конце страны, в южной Англии, нам известно. Доставила ее тетя. У Элайзы были сложные первые роды, после чего она напугала всё семейство упрямым поведением и вопиющей нечистоплотностью: «Расплескивала по дому мочу и пачкала постельное белье экскрементами». Записи при приеме в лечебницу представляют собой обильное перечисление жутких бредовых идей:

Она полагает, что между ней и ее ребенком существует та же связь, что и когда он был в утробе, что состояние ее здоровья влияет на него, равно как и ее пища, и отправление ею естественных потребностей. К примеру, если ребенок находится далеко, она ест не в меру, чтобы он мог питаться от нее, несмотря на расстояние. Также ей кажется, что, отвечая на зов природы, она подвергает ребенка опасности, и, соответственно, она пытается всячески избежать телесных отправлений. Она утверждает, что слуги намеренно сводят ее с ума, что они способны по своей воле причинять ей внутреннюю боль и что из-за них у нее выпадают волосы, слабнет спина, а пальцы на ногах обезображены.

Через несколько месяцев состояние Элайзы стабилизировалось, она стала более покладистой, болтала с другими женщинами, занималась шитьем и шахматами, однако по-прежнему сильно страдала от разлуки с ребенком и прятала для него еду. Со временем эти состояния начали перемежаться маниакальными, когда она становилась агрессивной, отказывалась от пищи и пыталась удерживать испражнения. Неизменно проявляла трогательную привязанность к ребенку, постоянно говорила о нем и выражала желание вернуться домой и заботиться о нем. Как-то раз в канун Нового года отказалась ложиться спать, убежденная, что «экипаж вот-вот заберет ее домой к сыну». Всю ночь она бодрствовала, но за девять лет в лечебнице, до самой смерти, ни разу не увиделась с ребенком.

Не все истории имеют такой трагический конец. Случай Маргарет Стил – образчик надежды. Ее доставили в Эдинбургскую лечебницу в 1855 году в тяжелом состоянии через двенадцать недель после третьих родов. Она оглушительно кричала, что ее детей унес дьявол, а душа ее погублена. Металась по коридору, заламывая руки и плача. Отказывалась есть. «Она страдает от самого прискорбного бреда. Ей кажется, что подаваемое ей мясо – на самом деле тела ее убитых детей». Ее лечили морфином и насильно отпаивали телячьим бульоном. Понемногу она приходила в себя, и через год детям разрешили навестить ее. К изумлению мужа и сотрудников больницы, при виде детей Маргарет заявила, что это не они, продолжив безутешно утверждать: их нет в живых. «Моих крошек убили!» – голосила она. Понадобился еще год, чтобы Маргарет сумела взглянуть на детей «без предубеждений» и благополучно отправилась с ними домой.

Главную женщину Англии, мать отечества, саму королеву Викторию не обошли стороной нервные расстройства, связанные с родами. Нам известно об этом от врачей Викторианской эпохи, обеспокоенных возможным воздействием монаршего примера на других женщин. После рождения второго ребенка королева пережила период тоски и упадка духа, описанный личным секретарем принца Альберта: она находилась в крайне подавленном состоянии, «должен сказать, что Ее Величество всё меньше интересуется политикой». Однако ее эмоциональное недомогание никогда не достигало крайности, смягчаясь, несомненно, вследствие таких обстоятельств, как богатство и происхождение. И всё же правительница самой великой импе-

² «Надо молить, чтобы в здоровом теле был здоровый дух» (лат.).

рии в истории, королева, которую почитали, боялись и обожали во всём мире, никогда не забывала о страданиях и несвободе, доставленных ей материнством. Дочери, принцессе Виктории, она писала в связи с рождением у той первенца: «Надеюсь, твой муж должным образом сочувствует твоим страданиям, ведь мужчины, эти эгоисты, и минуты не вынесли бы того, что приходится терпеть нам, несчастным рабыням».

* * *

«Родильное безумие», «молочная мания», «меланхолия беременных» и «помешательство кормящих». Многими словосочетаниями пытались определить новое явление – возмутительное расстройство, для борьбы с которым недавно сформировавшиеся дисциплины – акушерство и психиатрия – прилагали титанические усилия. Первым его описал Роберт Гуч, британский врач-акушер, в нашумевшем трактате 1820 года «Наблюдения над родильным помешательством»:

При наступлении родильного безумия пациентка богохульствует, кричит, декламирует стихи, сыплет бранью и устраивает такой шум, будто в доме поселился сам дьявол.

Родильное безумие бросало вызов гегемонии домашнего очага. Женщины пренебрегали обязанностями, дерзили мужьям, били посуду и разрывали одежду; агрессивные и грязные, они бродили по улицам и проявляли сексуальную разнузданность. У них случались приступы гнева, но иногда они и полностью уходили в себя, застывая, словно статуи, окаменевшие от осознания собственной вины. И ни единый предмет, какой бы красотой он ни обладал, не мог разбудить их чувства, никакая музыка не оживляла. Больше всего поражала свирепость маниакальных проявлений, и именно о них написано большинство исследований, но врачи также отмечали, что меланхолия труднее поддается лечению вследствие своего изменчиво-змеино-вероломного характера.

Молодые матери являли собой живой образец несостоятельности викторианского идеала женщины, обезображенный призрак самих себя. Им сцеживали молоко, их кормили, как младенцев, с ложки или через зонды, а в историях болезни описывали их состояние как непрекращающуюся детскую капризность. Получалось, что такие женщины полностью растеряли врожденный дар превращать дом в уют покоя и благопристойности, дар, которым обязана была обладать любая мать.

Та самая Англия, в которой росли гигантские фабрики и опережавшие время города, та, что проектировала громадные трансатлантические пароходы и железные дороги, становившиеся образцом прогресса, загнала своих гражданок в угол, выстроив культуру двух сфер: женщин удерживали дома, а мужчины чувствовали себя комфортно в общественном пространстве. Тиранические стереотипы материнства, упакованные в идеал «ангела домашнего очага», существа добродетельного, чистого и самоотверженного, скрепили эту структуру, словно цемент. Современный капитализм изначально зиждился, среди прочего, на образе хорошей матери, и его зловещая тень до сих пор нависает над всеми роддомами Запада.

С конца XVIII века способы контроля над женщинами начали меняться: от религиозной логики перешли к биомедицинской, на смену старомодным сутанам пришли стетоскопы. Словно Яхве Еве, новая врачебная элита заявила женщине, что ее долг – рожать в болезни и что самой природой в ней заложены влечение к мужу и покорность. При этом ей не дали забыть, что произошла она из ребра, кости кривой, вывернутой и несовершенной, а следовательно, она, женщина, есть воплощенная слабость. И анатомы привели тому доказательства. По их суждению, любое женское тело задумано для материнства, несмотря на хрупкость. Кости меньше и мягче, чем у мужчин, говорили они, а грудная клетка уже. Широкий и изогнутый для вмещения плода таз приводит к скосу берцовых костей, что затрудняет ходьбу, поскольку колени ударяются друг о друга. Бедра покачиваются, чтобы центр тяжести был сбалансирован,

от этого шаг неуверенный и медлительный. Ткани пористые и влажные, мышцы вялые и слабые – всё это растягивается, чтобы укрыть собой ребенка. Мозг маленький. Кожа тонкая и нежная, таит сложные разветвления кровеносных сосудов и нервов, придающих ей восхитительную чувствительность. Сгибаясь под грузом обязанности продолжать род, поверженная эмпирическими доводами о том, что в ее натуре заложены хаос и поражение, женщина Викторианской эпохи оставалась один на один с жуткой неясностью материнства.

Психиатрам, имевшим дело с родильным безумием, выпадала непосильная задача: нужно было не только вылечить женщину, но и снова сделать ее матерью и женой, то есть исцелить семью. В руках врачей находились основы организованного мира. Тихие воды викторианского общества грозили выйти из берегов, взбаламученные безумством, и медикам предстояло удерживать их в русле.

Но кто способен сдерживать океан носовым платком?

2

Британский алиенист Джордж Макберроуз в 1828 году описал то, что происходило со мной на следующий день после родов на пятом этаже барселонского роддома в XXI веке:

Благожелательно и радостно ожидая малыша – возможно, первенца, – любимая супруга сносит все неприятности и лишения беременности, какими бы докучливыми они ни оказывались, а также боли и опасности родов, сколь бы велики они ни были. Любезный супруг и прочие родичи с глубоким нетерпением ждут счастливого события, и наконец, когда наступает долгожданный миг и легкие роды вызывают всеобщее ликование, о, как ужасно преображается всё вокруг, когда новоиспеченная мать внезапно выказывает признаки помешательства!

Дьявол в свое удовольствие разгуливает по моей палате, и, судя по истории родов, никакие медицинские власти не в силах его изгнать. Бесплезно то и дело показывать мне совершенно сухую повязку. «Пациентка бодрствует, осознает реальность, не дезориентирована, но страдает от навязчивых ипохондрических мыслей. Повышенная тревожность». Викторианская психиатрия полагала, что подобные состояния вызываются излишним приливом крови к голове. Поэтому женщин брили наголо и рекомендовали держать череп в холоде – чтобы кровь бойчее текла к остальным частям тела. Но в Англии XIX века зародилась также и нравственная терапия: ввел ее в йоркском приюте для умалишенных Уильям Тук, квакер и чаеоторговец. В приятном глазу кирпичном здании под сланцевой кровлей, окруженном буколическими пастбищами и садами, были отменены оковы и запрещено насилие в любой форме, поскольку безумие больше не рассматривалось как почти фантастическая утрата рассудка. Нет, теперь оно было душераздирающе человеческим опытом, отклонением от социально приемлемого поведения, и задача лечебницы состояла не в том, чтобы обездвигить больных, а в том, чтобы их одомашнить. Все усилия устремлялись на отучение от грязных и непристойных привычек, от лени и ничегонеделания, а также на приучение к скромности и владению собой. Сумасшедший дом напоминал скорее младшую школу, чем мрачную темницу, и строился по модели благополучной семьи: главный врач и его жена играли роли отца и матери, медсестры – настоящих старших сестер, а пациенты – маленьких детей, которых следовало воспитать. Вышивка, готовка и стирка были краеугольными камнями в деле восстановления благочестивой и приличной женщины.

Но у меня нет возможности вышивать крестиком, и к тому же наука сегодня утверждает, что душевное состояние определяется не застоем крови в мозгу, а нейромедиаторами с завораживающими названиями. В моем случае, возможно, сыграло злую роль и резкое снижение уровня так называемых плацентарных гормонов после родов. «Рекомендуется лечение пароксетином», – безмятежно записывает психиатр в историю.

Пароксетин – антидепрессант второго поколения, прямой потомок первого антидепрессанта, изониазида, который изначально использовался как противотуберкулезный препарат. Его антидепрессивные свойства были обнаружены случайно. В 1952 году пациенты нью-йоркской больницы Си-Вью, получавшие изониазид, вдруг начали выказывать необычайную жизнерадостность, к изумлению медперсонала и съезжавшихся посмотреть на такое чудо журналистов. Фотография в одной из газет свидетельствовала об эффекте после года приема препарата: туберкулезные больные веселятся на вечеринке, где всё излучает оптимизм. Подпись гласила: «Всего пару месяцев назад здесь был слышен лишь звук, с которым жертвы туберкулеза выкашливали легкие». В другой газете сообщалось: «Пациенты, несмотря на свищи в легких, танцуют в коридорах».

Философ Мишель Фуко называл психиатрическое лечение в викторианскую эпоху «гигантской нравственной тюрьмой». Не знаю, станет ли выписанное мне лекарство темницей или парой крыльев, но ясно одно: психотропные препараты изменили наш мир. Люди сейчас

потребляют столько антидепрессантов, что, по мнению ученых, это даже может привести к изменениям в экосистемах, поскольку вещества, выводимые нами при приеме таких препаратов, попадают в окружающую среду. Согласно недавнему исследованию, раки, которые обитают в воде, загрязненной антидепрессантами, рисковее остальных: они быстрее вылезают из нор, бесстрашно тычут клешнями в нос хищникам и теряют ощущение времени, проводимого в поисках пищи. Они представляют собой более легкую добычу, зато умирают, я предполагаю, сытыми, хотя об этом исследование умалчивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.